

С. В. ИВАНОВ

МАТЕРИАЛЫ ОРНАМЕНТА К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ХАНТОВ И МАНСИ *

До недавнего времени основным источником при постановке и решении проблем этногенеза и культурно-исторических связей у народов Сибири, в частности хантов и манси, являлись антропологические, языковые, археологические, отчасти фольклорные материалы и данные родовой состава. Памятники материальной культуры современных народов привлекались для этой цели значительно реже, а произведения изобразительного искусства, в частности орнамент, при решении указанных проблем почти вовсе не принимались во внимание. В этом нетрудно убедиться, просматривая этнографические работы, в которых публикуются или исследуются материалы по орнаменту хантов и манси (А. А. Дунина-Горкавича, Л. Р. Шульца, В. Н. Пигнатти, Т. П. Гладышевой, Г. М. Дмитриева-Садовникова, И. Н. Шухова, М. Плотникова, У. Т. Сирелиуса, В. Семайера и др).

Между тем народный орнамент является одним из важных источников при постановке тех или иных исторических проблем, так как проливает свет на многие, недостаточно ясные пока моменты, связанные с формированием тех или иных племен и народов и их историческими судьбами. Товарищ Сталин указывает, что «племена и народности дробились и распадались, смешивались и скрещивались...»¹ Эти процессы не могли не найти своего отражения и в искусстве.

Изменяясь относительно медленно и отличаясь в силу этого большой стойкостью своих форм и технических приемов, орнамент удерживает в своем составе различные разновременные мотивы, в числе которых оказываются и весьма древние, нередко находящие свои аналогии в археологическом материале.

Причина устранения или недостаточного использования этого ценного источника коренится, повидимому, отчасти в неизученности самого материала, отчасти в недостаточной разработанности методов его исследования.

Изучение угорского орнамента до недавнего времени проводилось в узко этнографическом плане, причем анализ материала нередко носил формалистический характер. Изучались главным образом материал, техника изготовления орнамента, его формы и цвета, производилась классификация орнамента по тем бытовым предметам, на которые он нанесен, записывались названия отдельных узоров. Изучение этих частных вопросов, конечно, не давало возможности в полной мере использовать орнамент как исторический источник, ибо орнамент как таковой, его структура, мотивы, типы, стилиевые признаки, характер композиции, различие и сходство изучаемого орнамента с орнаментом родственных и соседних народов и т. д. не подвергались всестороннему исследованию.

* Переработанный доклад, прочитанный на совещании по методологии этногенетических исследований 1 ноября 1951 г.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1950, стр. 27.

Между тем только всесторонний анализ предмета исследования может дать тот материал, который в дальнейшем должен помочь изучению тех или иных исторических процессов.

Вопрос о связи угорского орнамента с более древними орнаментами известными по археологическим источникам, и проблема исторической преемственности этого орнамента также не привлекали к себе внимания прежних исследователей².

В настоящее время советская наука, накопившая значительный материал по этнографии и искусству народов Сибири, опираясь на методологию марксизма-ленинизма и углубляя свою работу на основе той широкой программы исторических исследований, которая содержится в замечательной работе И. В. Сталина, посвященной вопросам языка, располагает всеми возможностями для постановки и решения ряда новых проблем, далеко выходящих за узкие рамки старой эмпирической науки, обычно рассматривавшей явления человеческой культуры в статике, в отрыве от истории.

Привлекая для решения проблем, связанных с происхождением племен и народов, все виды исторических источников, а также данные антропологии, наша наука может и должна использовать в своих целях и те выводы, к которым приводит изучение различных видов художественного творчества, в частности народного орнамента.

Приступая к анализу орнамента того или иного народа в историческом плане, прежние исследователи обычно начинали эту работу с прослеживания происхождения и эволюции отдельных его мотивов или элементов, которые в дальнейшем сравнивали с родственными им мотивами орнамента других народов. Таким путем они устанавливали эволюционные ряды, в которых располагали мотивы, начиная от простых и кончая наиболее сложными. Подобного рода прием иногда давал положительные результаты, поскольку помогал раскрытию этапов развития тех или иных мотивов, но он не может быть нами положен в основу анализа орнамента, так как в таких случаях у исследователя нет полной уверенности в том, что тот или иной, выбранный им в качестве простейшего мотив действительно является исходным, лежащим в начале серии последующих, более сложных мотивов. Поручиться за правильность реконструкции таких эволюционных рядов нельзя. Они могут оказаться не более, как плодом фантазии ученого, в особенности в тех случаях, когда исследуется геометрический орнамент.

Всем, кто занимался изучением орнамента, хорошо известно, что простейшие мотивы могут оказаться не только первичными, но и позднейшими, представляющими собой результат распада или упрощения более сложных орнаментальных форм. Чтобы убедиться в первичности такого рода мотивов, необходимо, исследуя их в историческом развитии, привлекать для этой цели имеющиеся археологические источники. Нельзя упускать из виду и тот общеизвестный факт, что сходные и даже одинаковые мотивы нередко возникали и возникают у народов, говорящих на разных языках и живущих на значительном расстоянии друг от друга. Сравнивая такие мотивы между собой и ошибочно предполагая их генетическую связь, легко сойти с пути исторического анализа и углубиться в область бесплодных формалистических упражнений.

С другой стороны, нужно иметь в виду, что некоторые, несходные на первый взгляд, орнаментальные мотивы у различных, притом далеко жи-

² В 1941 г. В. Н. Чернецов впервые высказал мысль о том, что орнамент обских угров уходит своими корнями в андроновскую культуру («Краткие сообщения ИИМК АН СССР», вып. IX, 1941, стр. 132). Эта мысль развита была им позже в статье «Орнамент ленточного типа у обских угров» («Советская этнография», 1948, № 1). См. также тезисы В. Н. Чернецова «К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы», опубликованные в «Тезисах докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований», М., 1951, стр. 29.

вущих друг от друга народов, могут иметь общий источник в прошлом и оказаться родственными.

Таким образом, те или иные отдельно взятые мотивы бытующего орнамента, так сказать, вырванные из «контекста», еще недостаточны для установления их исторической преемственности от аналогичных более древних по времени мотивов, равно как недостаточны и для доказательства родства орнамента одного народа с орнаментом другого народа.

Весьма важное значение имеет для нашей проблемы археологический материал (керамика, изделия из кости, дерева и металла, остатки тканей, вышивок, ковров и т. д.), но в нем существуют в ряде случаев досадные лакуны, охватывающие периоды в несколько столетий, а иногда и тысячелетий, что заставляет относиться к сопоставлению этого материала с этнографическим с известной осторожностью и пользоваться им лишь в рабочем порядке. Если же археологические источники позволяют более или менее отчетливо проследить развитие и историческую преемственность орнамента на протяжении длительного отрезка времени, их значение для этнографии неизмеримо возрастает. Особенно плодотворными сказываются исследования в тех случаях, когда удается установить и доказать непосредственную связь археологического материала с этнографическим.

Углубленное изучение орнамента отдельных народов, предпринятое в последние годы советскими этнографами, показало, что в историческом плане более правильным является анализ не столько отдельных элементов орнамента, сколько его наиболее распространенных мотивов, образующих собой более или менее устойчивый комплекс. Входящие в такой комплекс мотивы принадлежат обычно к одному или нескольким типам, отличным от типов орнамента другого комплекса. Если отдельные мотивы в поисках их аналогий могут вести нас весьма далеко и в разных направлениях, то комплекс мотивов имеет обычно строго очерченные границы — этнические или территориальные — и не является случайным. Если некоторые отдельные сходные или одинаковые мотивы могут быть обнаружены в орнаменте различных народов, то комплекс тех или иных определенных мотивов никогда не повторяется и бывает свойственен какой-либо одной народности или группе родственных или территориально близких народностей. Относительная устойчивость и своеобразие типов орнамента и образуемых ими комплексов позволяют видеть в этих типах и комплексах вполне надежный исторический источник, анализ которого должен приблизить нас к пониманию и решению ряда проблем, связанных с историей отдельных племен и народностей.

Наличие у разных народов двух или более совпадающих типов или комплексов орнамента служит достаточно веским доказательством единства или близости одной художественной культуры к другой. Если к орнаментальным мотивам этого комплекса прибавляются еще совпадающие дополнительные моменты, например цвет, принципы композиции, характер симметрии и другие, то это еще более усиливает вероятность общности художественной культуры ныне разобщенных народов, культура которых в прошлом относилась к одной историко-этнографической области.

Настоящая статья построена на этнографическом материале, относящемся к XIX — XX вв., и почти не затрагивает археологических источников, привлечение которых потребовало бы значительного расширения работы и специального анализа. Задачи, которые ставит перед собой автор, сводятся к тому, чтобы: 1) кратко охарактеризовать состав угорского орнамента; 2) проследить его связи с орнаментом соседних народов; 3) установить черты общности угорского орнамента с орнаментом более отдаленных народов.

Изучение искусства показывает, что в большинстве случаев орнамент того или иного народа не является однородным по своему составу и характеру. Выявление бытующих его типов ставит перед исследователем вопрос о времени их возникновения и о той общественной среде, в условиях которой они сформировались. При этом может оказаться, что различаемые в настоящее время типы восходят к единой основе и представляют собой не что иное, как результат расхождения, отражающий исторические судьбы носителей этих типов.

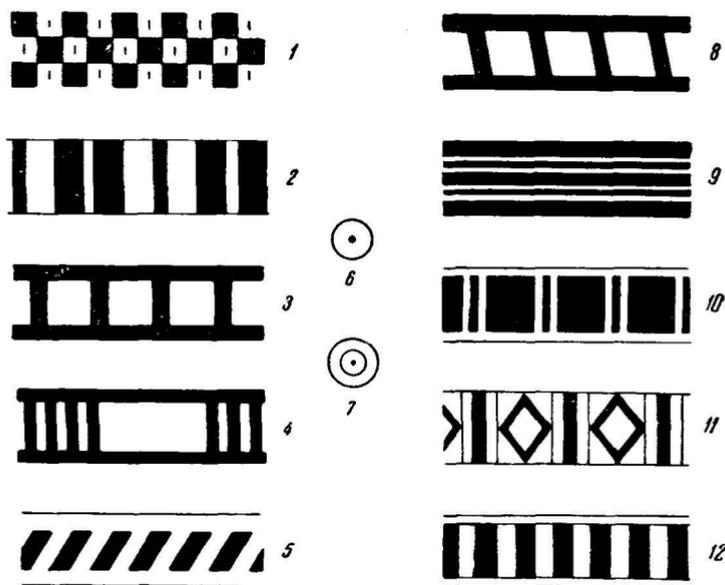

Табл. I. Образцы орнаментов I типа (1—5, 8—9, 11—по Сирелиусу; 6, 7, 10, 12—по коллекциям Музея антропологии и этнографии АН СССР)

С указанных точек зрения несомненный интерес приобретает орнамент угров, представляющий собой весьма стойкий элемент их культуры. Изучение этого орнамента говорит о том, что он включает в себя мотивы, вошедшие в его состав в разное время.

Одним из наиболее древних орнаментов хантов и манси является строго геометрический, простейший по формам орнамент, состоящий из кружков с точкой в центре, концентрических кружков, полос, квадратов, прямоугольников, треугольников и тому подобных фигур. Этот орнамент был разработан древнейшим населением Зауралья и имеет общие черты с орнаментом народов крайнего северо-востока Азии. В настоящее время он не характерен для художественной культуры хантов и манси. Циркульный орнамент встречается на изделиях из кости, остальные мотивы — на предметах из меха, сукна и бересты (одежда, сумочки, посуда) (табл. I). Можно предполагать, что указанный орнамент разработан был местным населением еще до формирования на территории Зауралья угорских племен. Отнесем этот орнамент к I типу.

Кроме него, в составе угорского орнамента насчитывается четыре других типа (II, III, IV и V).

II тип, северный, встречается на изделиях из меха, сукна и бересты, III и IV, южные, — в вышивке и в бисерных украшениях. II и III типы включают в себя только геометрические мотивы, IV тип наряду с геометрическими — много изображений птиц и деревьев. V тип, исчезающий, характерен для изделий из дерева и кости, отчасти из бересты.

Он включает в себя треугольники, пересеченные квадраты и прямоугольники.

Остановимся сначала на V типе. Подобно I типу он, кроме угров, известен многим народам Сибири, преимущественно Западной. Трехгранно-выемчатые треугольники еще недавно широко применялись в резьбе по дереву у соседних с уграми кетов, селькупов и ненцев, а также у хакасов и чулымских татар; изредка подобные же треугольники можно было встретить в резьбе шорцев, тофаларов (карагасов) и тувинцев-оленоводо-водо-водо. Перекрещенные квадраты и прямоугольники известны в резьбе по дереву у селькупов, юраков, нганасанов, кетов, долганов, чулымских татар, шорцев, тофаларов, тувинцев, алтайцев, хакасов, якутов

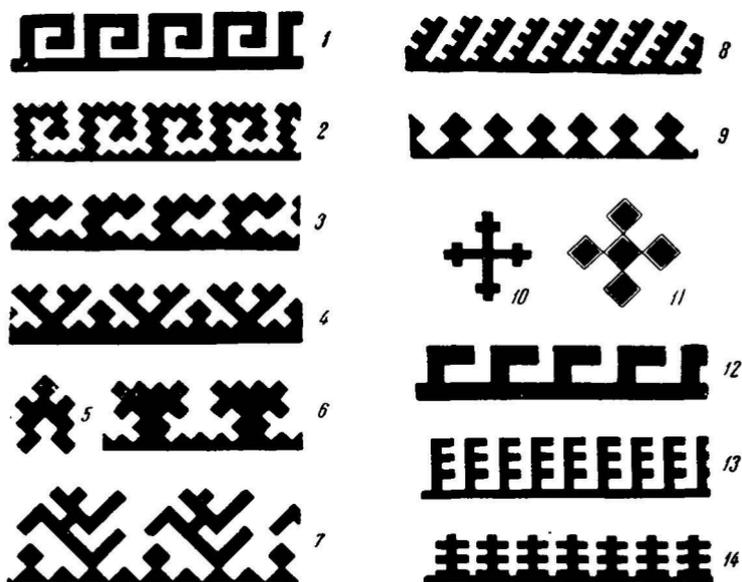

Табл. II. Образцы орнаментов II типа (1, 2, 4, 6, 7, 9 и 10 — по колл. Музея антропологии и этнографии АН СССР; 3, 8 — по материалам А. П. Сушкиной; 5, 11 — по Сирелиусу; 12, 14 — по материалам Б. О. Долгих (энцы) и А. А. Попова (нганасаны)

и бурят. У эвенков бассейна р. Енисея они встречаются на костяных изделиях. За пределами Сибири, в Европейской части Союза ССР орнамент из трехгранно-выемчатых треугольников и диагонально пересеченных квадратов широко применяется в резьбе по дереву многих народов, например, коми-зырян, удмуртов, народов Поволжья, а также русских. Известен этот орнамент и некоторым народам Средней Азии (киргизы, казахи, горные таджики) (табл. V). Столь широкое распространение указанного орнамента позволяет видеть в нем очень древний тип, в разработке которого принимали участие многие народы, в том числе и предки хантов и манси.

Наиболее характерны для хантов и манси орнаменты II, III и IV типов. Широкоупотребительные мотивы второго (северного) типа представлены на табл. II. Они состоят из меандрообразных фигур (1—3), мотивов, напоминающих рога оленя (4) или лягушку (5), более сложных геометрических мотивов (6—8), квадратов, поставленных на угол и опирающихся на вершину прямоугольного треугольника, так называемых «головок» (9), различной формы крестов (10, 11) и некоторых других мотивов. Большинство их известно тазовским и нарымским селькупам. Фиг. 4, 6, 9 и 10 типичны для ненецкого орнамента. Фиг. 9, 12, 13

и 14 встречаются в орнаменте энцев и нганасанов (тавгийцев), фиг. 5— в орнаменте энцев.

Характерную черту большинства этих мотивов составляют их строго геометрические формы, прямолинейность, силуэтность, излом под прямым углом, отростки и основа, состоящая из широкой ленты.

Орнаменты III типа также строго геометрические и по характеру формы близки к предыдущим, но мотивы их другие (табл. III). В состав орнаментов III типа входят квадрат, стороны которого продолжены за его пределы,— так называемая «решетка» (1, 2), вписанные квадраты с

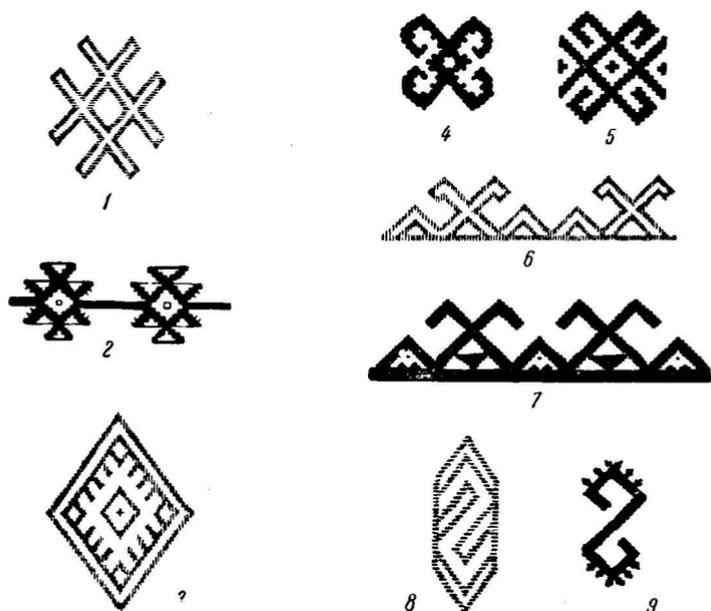

Табл. III. Образцы орнаментов III типа (1, 3, 6, 8— по колл. Музея антропологии и этнографии АН СССР; 2— по изданию «Изделия остяков Тобольской губ.»; 4, 9— по Патканову; 5—7— по Пульски-Фишбах)

отростками на сторонах внешнего квадрата или так называемые решетчатые ромбы (3), различного вида роговидные мотивы (4—7) и S-видные спирали (8, 9).

В IV тип орнамента (табл. IV) входят стилизованные изображения птиц, расположенных по сторонам дерева (1—5), крестообразные фигуры сложного вида (6, 7), восьмиконечные розетки (8, 9) и ступенчатые ромбы (10). Эти мотивы встречаются в вышивке иртышских хантов и кондинских манси.

Для орнаментов II типа, связанных с изделиями из меха и бересты, характерна двухцветность. В подражающих меховым орнаментам узорах из цветных тканей (на одежде) цвета отличаются большим разнообразием и яркостью. Орнаменты III и IV типов полихромны. Среди них преобладают красные и синие цвета, остальные занимают подчиненное место.

Изучение хантыйско-мансийского орнамента позволяет высказать мысль о том, что входящие в его состав четко различимые в настоящее время II (северный) и IV (южный) типы имели в прошлом много общего, особенно по линии геометрических мотивов. На эту близость еще в 1911 г. обращено было внимание составителей коллективной работы «Изделия остяков Тобольской губернии». В этой работе мы читаем: «Сохранившееся до сих пор,— правда уже отдаленное,— сходство не-

которых вышитых узоров с таковыми же из кожи и на бересте делает вероятным, что сперва подражали им и только постепенно научились привычно использовать свойства нового материала (имеются в виду нити.— С. И.) для создания новых форм, типичных для него»³.

В этих словах не только выражена мысль о близости тех и других орнаментов, но и содержится предположение о происхождении вышитых мотивов от более древних, сохранившихся на изделиях из кожи и бересты. Решение последнего вопроса представляется, однако, не столь легким; что же касается сходства тех и других геометрических мотивов,

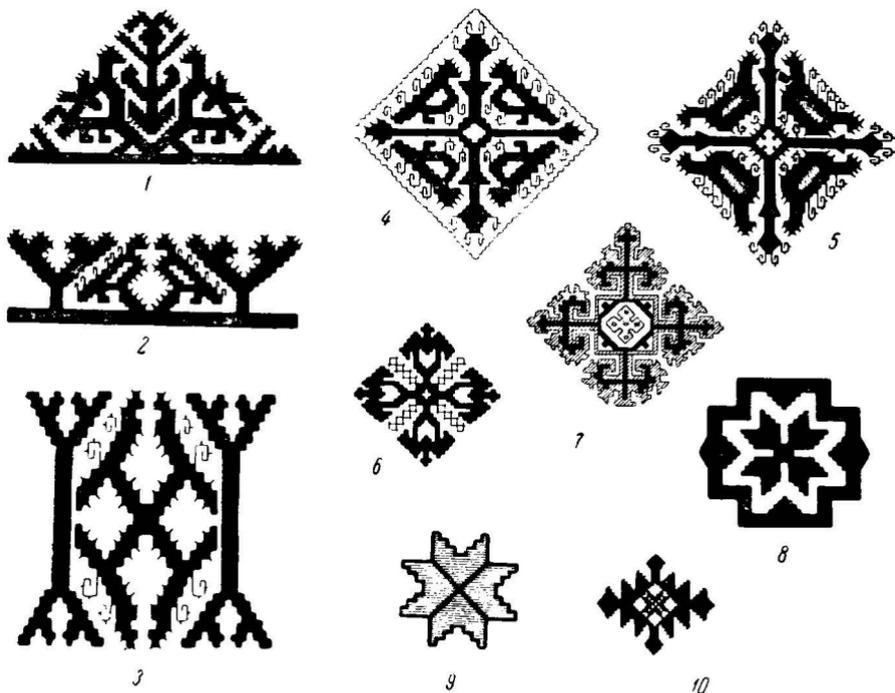

Табл. IV. Образцы орнаментов IV типа (1—9— по колл. Музея антропологии и этнографии АН СССР; 10— по изданию „Изделия остяков Тобольской губ.“)

то оно не вызывает никакого сомнения и может быть доказано документально. В настоящее время мы можем уже с уверенностью говорить и о том, что это сходство является не случайным, а обусловлено единым основным фондом тех и других мотивов, т. е. генетически восходит к одному источнику.

Ряд геометрических мотивов северного орнамента имеет те же очертания, что и фигуры деревьев в южном. Эти мотивы у северных хантов нередко носят название «рога оленя», но, допуская их южное происхождение, можно предполагать, что они представляют собой один из элементов распавшегося комплекса, состоявшего из стилизованного дерева и стоящих по его сторонам птиц, повернутых головой или спиной к дереву. Проникнув на север, этот комплекс утратил парные изображения птиц (быть может, удержавшиеся в виде серии изображений птиц, следующих друг за другом в одном направлении, см. табл. II, фиг. 7), но сохранил геометризованные фигуры деревьев. По сходству их с рогами оленя они могли получить и новое название.

³ «Изделия остяков Тобольской губернии», Ежегодник Тобольского музея за 1909 г., вып. XIX, Тобольск, 1911, стр. 59.

Элементы южного орнамента, сходные с северными, представлены на табл. VI, фиг. 1—10. Деревья на фиг. 1—5 этой таблицы близки к север-

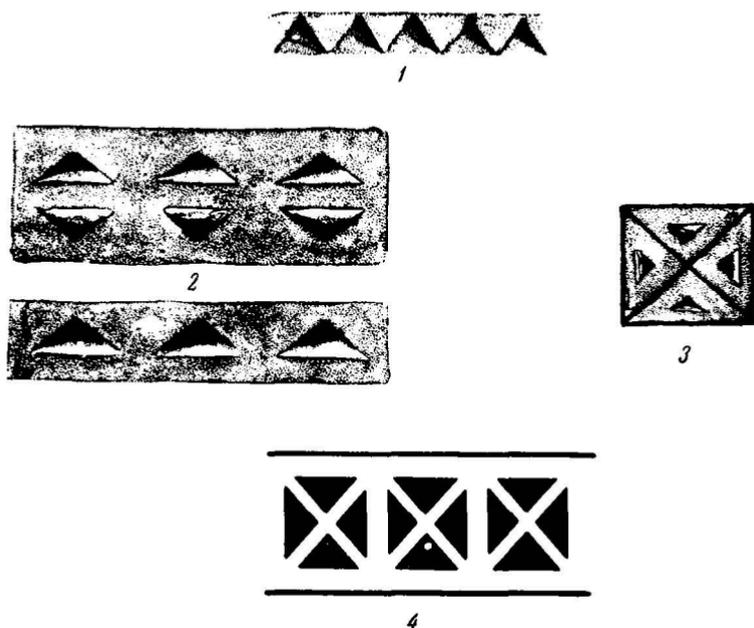

Табл. V. Образцы орнаментов V типа (1 — по колл. Яновича в Антропологическом музее при Моск. гос. ун-те; 2—4 — по Сирелиусу; 5 — по колл. Музея антропологии и этнографии АН СССР)

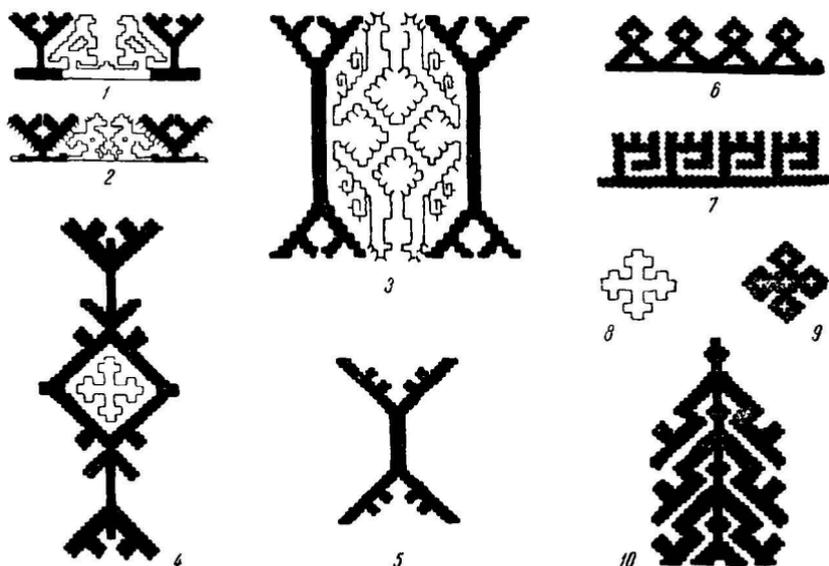

Табл. VI. Мотивы южноугорского орнамента IV типа, совпадающие с североугорскими II типа (1, 2, 4, 7, 9, 10 — по Пульски-Фишбах; 3, 8 — по колл. Музея антропологии и этнографии АН СССР)

ным орнаментам, приведенным в табл. II, фиг. 4; «головки» на фиг. 6 табл. VI повторяют мотив 9 табл. II; меандр на фиг. 7 табл. VI соответствует меандрам на фиг. 1, 2 и 3 табл. II; крестообразные фигуры 8

■ 9 табл. VI сходны с крестами на фиг. 10 и 11 табл. II; фиг. 10 табл. VI соответствует фиг. 5 табл. II. Этот комплекс совпадающих мотивов достаточно убедительно свидетельствует о единой основе целой серии геометрических мотивов южного и северного орнамента.

Предположение о возможности проникновения некоторых мотивов южнохантыйского и южномансийского орнамента на север находит свое подтверждение и в неопубликованной пока работе Н. Ф. Прытковой об одежде хантов. В настоящее время мужская одежда северных хантов глухая, женская же — распашная. Но в прошлом, согласно данным Н. Ф. Прытковой, та и другая одежда была распашной, т. е. по своему покрою не северной, а южной. Это, в частности, доказывается и тем, что еще в начале текущего столетия мужская одежда, употреблявшаяся северными хантами для спанья, была распашной. Не менее интересен и другой факт. Еще в начале XX в. северные ханты хоронили мужчин в женской распашной одежде. Таким образом, одежда северных хантов относилась прежде к южному типу и лишь постепенно была приспособлена к условиям севера. Этот процесс полностью еще не завершился. Женская одежда удержала в своем покрое более древний тип, утраченный мужской одеждой⁴.

Можно предполагать, что вместе с южной одеждой проникали на север и некоторые связанные с ней мотивы орнамента.

Говоря о двух южных типах угорского орнамента, нельзя обойти вопрос об орнаменте барабинцев, о котором, к сожалению, имеются крайне отрывочные сведения. Между тем этот орнамент принадлежал, по видимому, к тому же типу, что и южнохантыйский, и был тем звеном, которое связывало южноугорский орнамент с орнаментами народов Европейской части Союза ССР, в частности с орнаментом народов Поволжья. Так, по замечанию Н. М. Ядринцева, старинная одежда барабинцев была весьма сходна с одеждой марийцев и мордвы⁵. Эта одежда давно уже вышла из употребления, и подробных сведений о ней не имеется. Известно только, что барабинцы, подобно хантам, пряли крапиву и изготовляли из нее холст. Из этого холста женщины шили себе длинные рубахи и украшали их вышитым орнаментом различных цветов. Орнамент располагался около ворота и на подоле. Возможно, что вышивка исполнялась шерстяными нитками, поскольку известно, что барабинцы пряли шерсть и изготовляли из нее грубое сукно. Кроме вышитых рубах, барабинцы носили украшенные орнаментом вязанные чулки⁶. Такие чулки носят и ханты.

Ценное замечание Ядринцева о сходстве культуры барабинцев с культурой народов Европейской части СССР, в частности с культурой народов Поволжья, — не единственное. В «Географическом словаре Российской Государства», составленном в XVIII в. Щекатовым и Максимовичем, в статье о барабинцах говорится, что их «житейские обряды чрезвычайно сходствуют с башкирскими»⁷. О башкирах же известно, что прежде они, так же как южные угры и барабинцы, ткали холст из крапивы и конопли, украшая сшитую из него одежду вышивкой⁸.

Если принять во внимание, что выделка холста из конопли (кендыря) известна была и шорцам, что сшитую из этого холста одежду шорцы покрывали вышивкой, что на шорских и кумандинских тканых поясах и вязанных чулках орнамент весьма близок к хантыйскому⁹, то мы можем говорить о широком распространении в Западной Сибири сходных, а

⁴ Из докладов Н. Ф. Прытковой в секторе Сибири Института этнографии АН СССР в 1947 и 1948 гг.

⁵ Н. Ядринцев, Сибирские инородцы, СПб., 1891, стр. 53.

⁶ Шюц, Татарское племя Сибири, «Сибирские Ведомости», 1841, № 3—4.

⁷ «Географический словарь Российской Государства», ч. I, М., 1801, стр. 342.

⁸ С. И. Руденко, Башкиры, ч. II, Л., 1926, стр. 285.

⁹ Коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР: шорцы, № 2334-72, 153; кумандинцы, № 3334-153.

иногда и теждественных форм и типов орнамента, характерных для вышивки, тканья и вязания. Южная и восточная границы этого орнамента прослеживаются здесь довольно отчетливо.

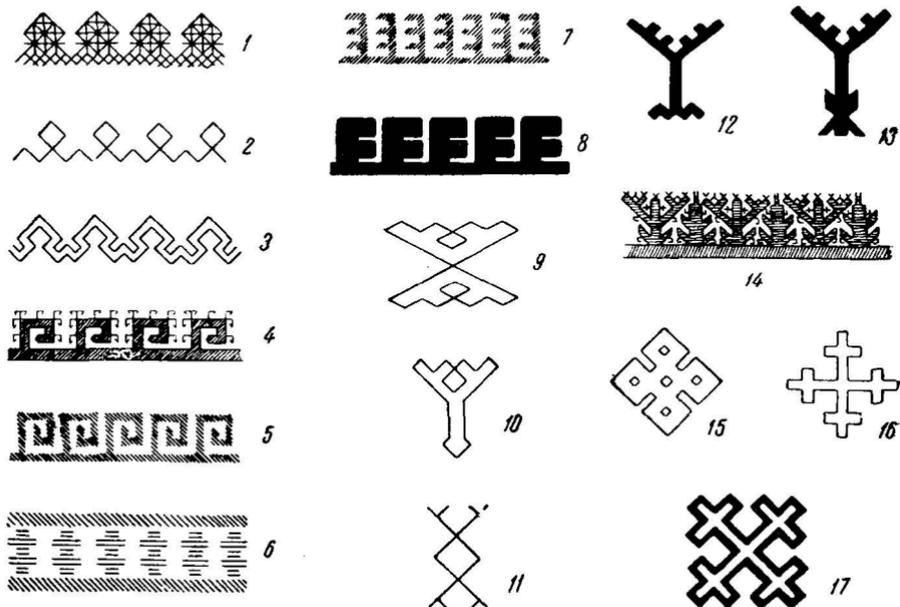

Табл. VII. Мотивы орнамента народов Поволжья, совпадающие с североуральским II типа (1—3, 5—7, 10, 11, 15, 17—по Гейкелю (мордва); 4, 9, 14, 16—по Гейкелю (марийцы); 8—по В. Н. Белицер (удмурты); 12, 13—по Г. С. Масловой) (карелы).

Ханты

Мордва

Марийцы

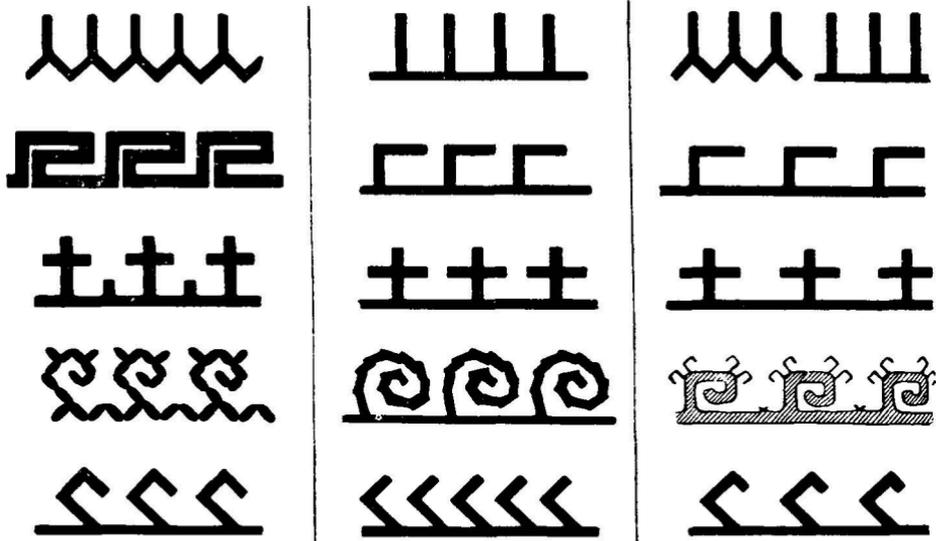

Табл. VIII. Мелкие орнаменты хантов, мордвы и марийцев, употребляемые в качестве контуров для более крупных орнаментальных мотивов (хантыйские орнаменты — по Пульски-Фишбах и по изданию „Изделия остяков Тобольской губ.“; мордовские и марийские — по Гейкелю).

Возвращаясь к вопросу о барабинцах, следует указать, что часть их (северные) по своему культурному облику была близка к северным хантам. Эта группа вела кочевой образ жизни, занималась охотой и име-

да оленей. Жилищем служили землянки. Не исключена возможность, что в состав барабинцев частично вошли угры, подвергшиеся впоследствии тюркизации¹⁰.

Предполагая близость южноугорского орнамента к барабинскому (в вышивке), мы не можем присоединиться к мнению авторов работы «Изделия остяков Тобольской губернии» о том, что «приобретенное осятками от своих южных соседей — татар умение прясть и ткать дало возможность перехода к вышиванию нитками»¹¹. Не отрицая заимствования хантами некоторых видов одежды и украшений от сибирских татар (головная повязка «саравать», треугольная косынка и др.), мы не находим в угорском орнаменте никаких мотивов, которым соответствовали бы мотивы татарской вышивки. Об этом, кстати, говорят и упомянутые авторы. «Интересно,— пишут они,— что у тобольских татар... вышивки, подобные осяткам, по крайней мере в настоящее время, совершенно не встречаются»¹².

Если бы до знакомства с татарами южные ханты не имели своей вышивки, то, восприняв последнюю, они вместе с ней заимствовали бы от татар и самый термин «вышивка». Между тем хантыйское название для вышивки «ханч», «ханч(и)», «ханши» не имеет ничего общего с татарским словом «чигу»¹³, имеющим то же значение. Можно, следовательно, предполагать, что вышивка была известна южным хантам и манси до непосредственного контакта их с тобольскими татарами¹⁴. В то же время следует указать, что в орнаменте казанских татар имеются мотивы, сходные и даже одинаковые с мотивами III типа угорского орнамента.

Те же барабинцы, повидимому, представляли собой звено, связывавшее художественную культуру южных хантов и манси с искусством северных алтайцев (кумандинцев) и шорцев, в котором встречаются мотивы, общие с мотивами III типа угорского орнамента.

Рассмотрим теперь вопрос об отношении II, III и IV типов угорского орнамента к орнаменту других народов.

Выше уже отмечалось, что целый ряд геометрических мотивов, относимых нами ко II типу, известен ненцам, нганасанам, энцам (енисейским самоедам) и селькупам (остяко-самоедам). Далее на восток этот орнамент не встречается, но к западу от Урала он прослеживается у марийцев, мордвы, тверских карел и, отчасти, удмуртов, что говорит о близости в прошлом художественной культуры хантов и манси к культуре народов Поволжья. Некоторые мотивы орнамента этих народов, встречающиеся в вышивке и совпадающие с североугорскими, представлены на табл. VII. Среди них мы находим те же «головки (фиг. 1—3) Г-образные фигуры (4, 5), перекрещенные вертикальные полосы (6), линии с приставленными к ним с одной стороны горизонтальными отростками (7, 8), роговидные фигуры (9—14) и четырехконечные кресты

¹⁰ Еще в XVIII в. Лоренц Лянге высказал мысль о том, что «это племя происходит, вероятно, от остяков, которые свое обычное местопребывание имеют у реки Оби» (Н. Катанов, Известия Лоренцо Лянге о Сибири и сибирских инородцах, Ежегодник Тобольского музея, вып. XIV, Тобольск, 1904, стр. 57).

¹¹ «Изделия остяков Тобольской губернии...», стр. 60.

¹² Там же, стр. 65.

¹³ «Татарско-русский словарь», Казань, 1950, стр. 218.

¹⁴ Возможно, что мнение авторов работы «Изделия остяков...» о происхождении хантыйской вышивки от тобольских татар основано на более ранних работах финских ученых Альквиста и Сирелиуса. Сирелиус, обходя вопрос о близости ряда элементов хантыйской культуры к культуре барабинцев, полагал, что ткацкое искусство заимствовано было южными хантами и манси от тобольских татар. Сирелиус ссылается при этом на сходство угорского ткацкого станка и способа тканья с такими же у тобольских татар и приводит отмеченные Альквистом некоторые татарские термины, имеющие отношение к ткацкому станку (У. Сирелиус, Домашние ремесла остяков и вогулов, Ежегодник Тобольского музея, вып. XV, за 1905 г., Тобольск, 1906, стр. 38). Но эти термины могли попасть в угорские языки не только от тобольских татар, но и от других тюркоязычных народов.

(15—17). «Головки» характерны также для орнамента коми-зырян¹⁵ и саамов¹⁶.

Заслуживает внимания, что ряд мотивов, принадлежащих ко II (северному) угорскому типу, встречается в вышивке народов Поволжья в качестве дополнительных орнаментов, окаймляющих более крупные узоры других типов. Эти окаймления, или контуры, иногда полностью совпадают, что, конечно, не может рассматриваться как явление случайное. Среди элементов, образующих окаймление, мы видим вертикальные стежки, отходящие от прямой или зигзаговидной линии, прямо и наклонно поставленные Г-образные фигуры или крючки, простые кресты и завитки (табл. VIII).

III (южный) тип угорского орнамента (геометрического) встречается в настоящее время в Сибири только у некоторых народов Северного Алтая (шорцев, кумандинцев), свидетельствуя о прежних культурных связях угров с населением Алтая. Наоборот, у народов Европейской части Союза ССР этот орнамент распространен очень широко. Мы находим его у коми-зырян, коми-пермяков, карел, удмуртов, бесермян, мордвы, марийцев, чувашей, башкир, русских, частично — у казанских татар и т. д.¹⁷, главным образом в узорном тканье, вышивке и вязании. Отдельные мотивы этого типа, например, решетка, встречаются и в орнаменте саамов¹⁸. У большинства перечисленных народов указанные орнаменты образуют более или менее устойчивый комплекс и, несомненно, восходят к глубокой древности.

Характерные для современного IV (южного) типа угорского вышитого орнамента розетки, звезды, ступенчатые ромбы, сложные кресты и фигуры парных птиц, расположенных по сторонам дерева, их форма, а также окраска и композиционные приемы расположения фигур, находят себе прямые аналогии в орнаменте чувашей, башкир и карел. Изредка парные птицы встречаются в орнаменте марийцев, сходны с ними и некоторые мотивы старинного мордовского орнамента (см. табл. IX). Восьмиконечные розетки характерны также для орнамента удмуртов, ступенчатые ромбы — для удмуртов и коми-пермяков¹⁹.

С Поволжьем южных угров связывает не только орнамент на одежде, но также туникообразный покрой рубах, фальшивый разрез на них

¹⁵ См. табл. II, фиг. 2 в работе J. Wichmann «Kurzer Bericht über eine Studienreise zu den Syrjänen 1901—1902», Journ. de la Société Finno-Ougrienne, XXI, Helsingfors, 1903.

¹⁶ Колл. Гос. музея этнографии, № 4848.

¹⁷ В. Н. Белицер, Народное изобразительное искусство коми, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. X, М.—Л., 1950, рис. 1-а, 2-а; J. Wichmann, Kurzer Bericht über eine Studienreise zu den Syrjänen 1901—1902, табл. II и III; Г. С. Маслова, Народный орнамент верхневолжских карел, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XI, М., 1951, табл. XXIV, XXVII-17, LX-3; В. Н. Белицер, Народная одежда удмуртов, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. X, М., 1951, табл. 62 и 63 (там же, бесермянский орнамент, рис. 92 и 55); A. Heikel, Trachten und Muster der Mordvinen, Helsingfors, 1899, табл. XXVI, XXVII, XXIX, XXXIX и др.; его же, Die Stickmuster der Tschéremissen, Helsingfors, 1910—1915, табл. 20—21, CXI, CXLV и др.; «Советская Чувашия», М., 1933, стр. 80, 81; Д. И. Архангельский, Чувашские узоры, Ульяновск, 1925, стр. 9, 16; С. И. Руденко, Башкиры, ч. II, рис. 218-6; Г. С. Маслова, Узорное тканье на русском Севере, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XI, М.—Л., 1950, рис. 1, 2, 3, 5, 7; Н. И. Воробьев, Материальная культура казанских татар, Казань, 1930, рис. 51.

¹⁸ Гос. музей этнографии, колл. № 4848-119.

¹⁹ «Изделия остяков Тобольской губернии»; W. Semayer, Die Tracht der Ostjaken und ihre Stickereien. Anzeiger der Ethnographischen Abteilung des Ungarischen Nationalen Museums. VI. Jahrgang, 1907, Budapest, 1914; S. Paikanov, Die Irtysch-Ostyaken und ihre Volks poesie, I Teil, St. Petersburg, 1897, таблицы хантыских вышивок; Pulszky v. Fischbach, Ornamente der Hausindustrie Ungarns, Budapest, 1878, табл. 34—40 (вышивки хантов); Д. И. Архангельский, Чувашские узоры, стр. 8, 11; С. И. Руденко, Башкиры, ч. II, рис. 219-6 и в; 216-6; Т. А. Крюкова, Марийская вышивка, Л., 1951, табл. XXI—3, стр. 23, 52.

спереди ²⁰, обшивка подола, разреза и ворота тесьмой домашнего изготовления, наконец, цвета ниток.

Таким образом в Европейской части Советского Союза рассмотренный нами комплекс типов орнамента (II, III, и IV типы) наиболее полно представлен в искусстве чувашей, башкир, марийцев, мордвы, удмуртов, карел, коми и северных русских. В тех или иных вариантах указанный орнамент, его отдельные мотивы и даже типы прослеживаются и у других народов Европейской части Союза, а также у народов Казахстана и Средней Азии.

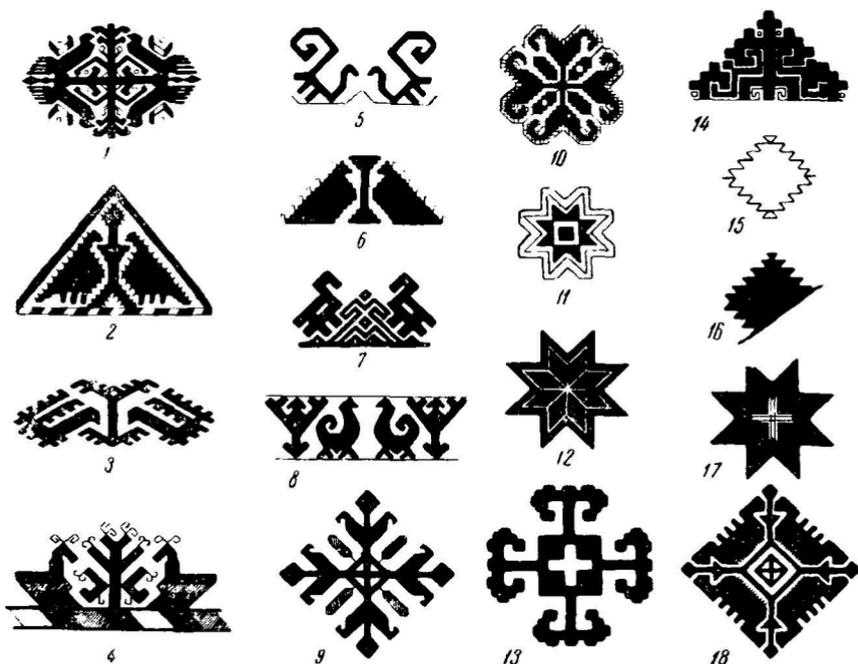

Табл. IX. Мотивы орнамента народов Поволжья, совпадающие с южноугорскими IV типа (1, 9, 13, 18 — по колл. Гос. музея этнографии в Ленинграде) (чуваш); 2 — по С. И. Руденко (башкиры); 4 — по колл. П. С. Палласа в Музее антропологии и этнографии АН СССР (мордва XVIII в.); 5—7, 11, 14 — по Гейкелю (марийцы); 8 — по Т. А. Крюковой (марийцы); 12, 16 — по В. Н. Белицер (удмурты); 10, 15 — по Гейкелю (мордва); 17 — по колл. Музея антропологии и этнографии АН СССР (карелы); 3 — по Г. С. Масловой (карелы)

Все это позволяет говорить о весьма обширной историко-этнографической области, в пределах которой складывались различные типы орнамента указанного комплекса. В настоящее время мы находим этот орнамент главным образом у народов, говорящих на угорских, самодийских и финских языках, а также у русских и некоторых тюркоязычных народов. Изучение II, III и IV типов угорского орнамента свидетельствует о том, что связи этого комплекса с орнаментом других народов не распространяются в пределах Сибири южнее Северного Алтая и восточнее Енисея. За Уралом эти связи прослеживаются очень далеко и значительно углубляются. Иными словами II, III и IV типы скорее тяготеют к Европейской части Союза ССР, нежели к Сибири.

О связях с Прикамьем свидетельствуют, в частности, и названия некоторых рек. А. Ф. Теплоухов предполагает, что еще в древности (VI—

²⁰ См. Т. А. Крюкова, Коллекция П. С. Палласа по народам Поволжья, Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, вып. XII, М.—Л., 1949, рис. 1 и 2 (мордовские рубахи XVIII в.). Те же рубахи из коллекции Палласа опубликованы в книге А. Heikel «Trachten und Muster der Mordvinen», табл. CXLVIII и CL.

ХII вв. н. э.) предками хантов и манси занесены из Прикамья на Восточный Урал следующие названия рек: Кама (приток Конды), Вачкур, Модо-томья, Мулымья, Улья, Лемья, Пупи-е, Касынья. Этим названиям соответствуют в Прикамье названия рек: Кама, Вашкур, Муртым, Борто-Лолым, Уль, Лемья, Буп и Козым. Из Приуралья же, по словам Теплоухова, ведут свое происхождение и некоторые древние бляхи и фигурки найденные у хантов и манси ²¹.

Выводы, к которым мы пришли, изучая орнамент хантов и манси, согласуются с работами советских этнографов, археологов и антропологов.

Говоря об уральской группе народов, Г. Ф. Дебеч, основываясь на антропологических данных, приходит к выводу, согласно которому «нет сомнения в том, что она образовалась при значительном участии европеоидных форм» ²².

О том же уральском антропологическом типе, занимающем промежуточное положение между монголоидной и европеоидной большими рамками, М. Г. Левин пишет следующее: «Наиболее характерными его представителями являются манси. Он также широко распространен у хантов по р. Оби, у западных ненцев, обских селькупов, сибирских татар (особенно у барабинцев), у шорцев, северных алтайцев (кумандиновцев и тубаларов), хакасов (бельтиров, койбалов)». Согласно М. Г. Левину, черты уральского типа обнаруживаются и далеко к западу от Урала у современного населения Волго-Камья (марийцев, удмуртов, коми пермяков). Начало смешения антропологических типов азиатского и европейского происхождения советские антропологи относят к древнейшим этапам заселения человеком лесной полосы Восточной Европы и Западной Сибири ²³.

Палеоантропологические материалы, относящиеся к различным историческим эпохам (от неолита до средневековья), свидетельствуют о том, что «народы угрофинской языковой группы складывались на основе населения, неоднородного в расовом отношении» ²⁴.

Согласно исследованиям Н. Н. Чебоксарова, в эпоху формирования культуры лесных рыбаков и охотников предки современных угрофиннов входили в урало-сибирскую историко-этнографическую область. В нее входило и то древнее население Обь-Енисейского бассейна, которое в дальнейшем приняло участие в этногенезе селькупов, кетов, шорцев, алтайцев и хакасов. Древние угрофинны, переходившие от охоты и рыболовства к скотоводству и земледелию, связаны были также с соседними племенами Восточной Европы. Часть угрофиннов осваивала Зауралье бассейна Оби, другая часть постепенно проникала на север в пределы Волго-Камья. Здесь некоторые группы древних угрофиннов вошли впоследствии в состав чувашей, башкир, и татар ²⁵.

В. Н. Чернецов на основании археологических данных относит постепенное проникновение лесных и горных угорских племен в Западное Приуралье и Прикамье к эпохе бронзы ²⁶.

²¹ А. Ф. Теплоухов, О древнем шаманском изображении из бронзы, бытовавшем на Конде среди вогул и остяков, «Советская археология», вып. IX, М.—Л., 1948 стр. 244.

²² Г. Ф. Дебеч, Антропологические исследования в Камчатской области, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XVII, М., 1951, стр. 94.

²³ М. Г. Левин, Древние переселения человека в Северной Азии, сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XVI, М., 1951 стр. 488, 489.

²⁴ Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы. Тезисы совещания по методологии этногенетических исследований (изд. Ин-та этнографии АН СССР), М., 1951, стр. 5.

²⁵ Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы, стр. 3, 6—8.

²⁶ В. Н. Чернецов, К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы. Тезисы докладов и выступлений сотрудников Института истории материальной культуры АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований, М., 1951, стр. 29.

В связи с изложенным большой интерес представляет вопрос об относительной хронологии выявленных нами типов угорского орнамента, однако окончательный ответ на него может быть получен только после широкого и глубокого исследования не только собственно угорского орнамента, но также и орнамента всех тех народов, с которыми он генетически связан. Значительную помощь в этой работе должно оказать изучение археологических источников. На данном этапе можно высказать по затронутому вопросу лишь некоторые предварительные соображения.

Отмеченный выше I тип угорского орнамента (табл. 1), в который входят простейшие мотивы в виде прямоугольников, полос и зигзагов, исходит, по видимому, к эпохе неолита. Циркулярный орнамент условно может быть датирован концом неолита или началом бронзы.

Типы II (сохранившийся на изделиях из меха и бересты), III (в вышивке, вязании и тканье) и V (в резьбе по дереву и кости) можно относить к эпохе бронзы. В эту эпоху так называемая андроновская керамика, в большом количестве найденная на территории Казахстана, Минусинских степей, Тобола и Южного Прикамья²⁷, дает уже ряд мотивов, близких к II, III и V типам современного угорского орнамента (треугольники, Г-образные фигуры, различного рода крючки и т. п.). Сходные мотивы имеются и на костяных изделиях из Салехарда, также относимых к эпохе бронзы²⁸.

Наиболее поздним по времени своего возникновения является, с нашей точки зрения, орнамент IV типа (табл. IV), включающий восьмиконечные розетки и мотив предстоящих у дерева птиц²⁹. Появился он, по видимому, в период развитой бронзы, а может быть и в начале эпохи железа.

В итоге мы приходим к заключению, что угорский орнамент представляет собой сложное и разновременное образование, слагавшееся на протяжении многих тысячелетий и постепенно принимавшее формы, характерные для его современного состояния. По своим мотивам этот орнамент нельзя рассматривать как нечто изолированное, ограниченное областью распространения хантов, манси, а также народов самодийской группы. При всем том стиливые черты его образуют определенное единство, характерное для угров и в известной степени для самодийских народов.

Развиваясь, указанный орнамент отражал на себе различные этапы становления угорских племен и их связи с другими угро-финскими племенами, а также с иноязычными соседними и более отдаленными племенами и народами.

²⁷ М. П. Грязнов, Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане, Сб. «Казаки», изд. АН СССР, Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик, вып. 15, Л., 1927; С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, Л., 1927; Л. Н. Бадер, Археологические памятники Прикамья, Молотов, 1950; см. также Л. А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник, Труды Гос. ист.-арх. музея, вып. XVII, Археологический сборник, М., 1948.

²⁸ Коллекция Музея антропологии и этнографии АН СССР, № 5331-1806 и др.

²⁹ У народов Поволжья, кроме птиц, встречаются также фигуры оленей, коней и других животных, расположенных по сторонам дерева.